

В. В. МАВРОДИИ

ОБ УЧАСТИИ КОЛОНИСТОВ ПОВОЛЖЬЯ В ВОССТАНИИ ПУГАЧЕВА

Крестьянская война 1773—1775 гг., охватившая почти все Среднее и Нижнее Поволжье, не могла не найти отклика среди колонистов — немцев, французов, швейцарцев, шведов, голландцев, указами Екатерины II от 4 декабря 1762 г. и 8 июля 1772 г. приглашенных в Россию «для заселения и обитания рода человеческого на выгоднейших и полезнейших мест».¹ В большинстве своем это были немцы.²

Колоссальное социальное движение, охватившее народные массы страны, ставшей для них второй родиной, не прошло мимо трудового люда иностранных поселений в Поволжье.

Численность последних к началу восстания Пугачева была довольно велика.

Согласно «Ведомости генеральной о числе состоявших в саратовских колониях» М. М. Щербатова, осенью 1773 г. и весной 1774 г. в колониях насчитывалось 6053 семьи.³ По подсчетам того же М. М. Щербатова, в 1774 г. в 103 поселениях колонистов в Саратовском уезде проживало 6175 семей, «в них мужска и женска полу душ 25 708».⁴ Примерно эту же цифру сообщает И. Бабст, полагающий, что в 1775 г. в колониях насчитывалось 23 184 души обоего пола,⁵ и главный судья Конторы опекунства

¹ Ф. Духовников. Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове. Саратовский край, вып. 1, Саратов, 1893, стр. 237—239.

² Преобладание среди колонистов выходцев из германских государств и онемечивание с течением времени сравнительно немногочисленных швейцарцев, шведов, французов, голландцев обусловили то обстоятельство, что колонисты обычно именуется немцами Поволжья.

³ РО ГИБ, Эрмитажное собр., № 364 (М. М. Щербатов. Исторические записки), лл. 19 об.—20.

⁴ М. М. Щербатов. Статистика в рассуждении России. ЧОИДР, 1859, кн. 3, стр. 54.

⁵ И. Бабст. Речная область Волги. М., 1852, стр. 128.

иностранных бригадир М. М. Лодыженский, ведавший всеми колониями, в письме к коменданту Саратова И. К. Бошняку писавший, что захват пугачевцами хлеба, принадлежавшего Конторе опекунства иностранных и предназначенного для колонистов, вынудит голодать 25 000 человек.⁶ Среди колонистов преобладали крестьяне, но были ремесленники (седельники, резчики, ювелиры, оружейники, шляпники, ткачи), художники, ученые, кушцы, фабриканты, духовенство и дворяне.⁷ Из среды последних назначались начальники (директоры) колоний, пользовавшиеся большими правами и имевшие огромное влияние на все дела колоний. Эти «вызыватели» и «кавалеры» имели тенденцию к превращению в настоящих помещиков.

Историография вопроса об участии колонистов Поволжья в восстании Пугачева невелика. Первым написал об участии колонистов Поволжья в восстании Пугачева Антону-Фридриху Бюшингу академик Гергард Миллер, известный историк и географ, секретарь Академии наук в Петербурге. Бюшинг поместил его статью под названием «Zuverlässige Nachrichten von dem Aufrührer Jemalian Pygatschev und der von demselben angestifteten Empörung» в своем издаваемом в Галле ежегоднике под названием «Magazin für die neue Historie und Geographie» в 1784 г. Статья по просьбе Миллера была помещена без подписи и опубликована только после его кончины (в 1783 г.) в XVIII томе «Magazin...». Авторство ее удалось установить Г. Блоку.⁸ Миллер держал в руках рапорты Михельсона и показания Пугачева, которых не обнаружил А. С. Пушкин, приступая с разрешения Николая I к своим трудам по истории восстания Пугачева. Корреспондентами Миллера были писавшие ему из осажденного Оренбурга П. И. Рычков и генерал-губернатор И. А. Рейнсдорн.⁹ Он собирал материалы о восстании Пугачева всеми возможными путями. И свидетельством того, что именно Миллер был автором опубликованной в Галле Бюшингом статьи о Пугачеве, является

⁶ Я. Грот. Жизнь Державина, т. 2. СПб., 1863, стр. 52.

⁷ Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824, стр. 111—116.

⁸ Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.—Л., 1949, стр. 90—140. — Г. Блок осторожно формулирует свой вывод об авторстве опубликованной Бюшингом статьи, считая, что подтвердить его могут лишь поиски «в архиве Бюшинга, если только этот архив цел» (стр. 103). Разыскание архива Бюшинга в ГДР принесло бы науке большую пользу.

⁹ П. И. Рычков, современник и очевидец осады Оренбурга Пугачевым, был хорошим информатором Миллера. В своих письмах Миллеру, из тех же опасений возмездия со стороны властей за разглашение правды о восстании, Рычков писал о последнем очень сдержанно. Даже за две недели до осады Оренбурга он писал о восстании как о «некотором беспокойстве... около Яицкого городка». Во время осады он составлял в Оренбурге «Описание бунта Стеньки Разина», которое и собирался послать Миллеру. См.: Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии, вып. II. Оренбург, 1889, стр. 70—71.

хранящееся среди многочисленных его «портфелей» в ЦГАДА в Москве дело, носящее название: «В портфели Catharina II, V. Pugatschew». В этом портфеле Миллера хранилось 12 дел. В числе этих дел были такие ценные материалы по истории восстания Пугачева, как «Дневная записка» свидетеля осады Оренбурга пугачевцами священника Ивана Осипова (1773 г.), «Краткое известие» о восстании архимандрита Платона Любарского (1774 г.), «История Пугачева» оренбургского священника Ивана Полянского (1774 г.), «Экстракт, сочиненный из дела о самозванце Пугачеве», «Описание мятежа» в Яицком казачьем войске в 1772 г., «Бумаги, касающиеся до самозванца Пугачева». Как видно, Миллер располагал очень важными источниками по истории пугачевского восстания.¹⁰ Они и дали ему возможность составить представление о восстании Пугачева и участниках его.

Французский перевод статьи Миллера, опубликованной Бюшингом, сделал Лаво (*Troubles à l'occasion du détronement de Pierre III. Histoire de la révolte de Pugatschew. 1799 г.*); этим переводом пользовался А. С. Пушкин. Только отсюда он мог почерпнуть сведения об участии немецких колонистов в Крестьянской войне. Остальные материалы, говорящие об этом, были ему недоступны. Пушкину не дали даже материалов Г. Р. Державина, известного поэта и участника подавления восстания Пугачева, заключавших в себе сведения о движении в немецких колониях.¹¹ Именно статья Миллера в ее французском переводе дала возможность автору «Истории Пугачева» в восьмой главе своего труда, переименованного по требованию царственного цензора А. С. Пушкина, Николая I, в «Историю Пугачевского бунта», сказать об участии немцев Поволжья в восстании Пугачева.

А. С. Пушкин говорит об эпизоде с казанским пастором «реформаторского исповедования», который когда-то дал милостыню Пугачеву, сидевшему в казанской тюрьме, за что и произведен был им в полковники, но отстал от пугачевцев и возвратился в Казань.¹² Пушкин пишет, что, когда Пугачев следовал по течению Волги, «иностранцы, тут поселенные», «все к нему присоединились» и Пугачев «составил из них гусарский полк».¹³

Исследования Н. Ф. Дубровина, перед которым, в отличие от Пушкина, были открыты все архивы, мало что дает для изучения вопроса об участии немцев-колонистов в Крестьянской войне 1773—1775 гг.¹⁴

¹⁰ ЦГАДА, ф. 199, портфель 152; Р. В. Овчинников. О разыскании материалов «Пугачевского портфеля Миллера». Истор. архив, т. V, М., 1962.

¹¹ Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, стр. 418.

¹² А. С. Пушкин. История Пугачева. Полн. собр. соч., т. 9, ч. 1, 1938, стр. 68.

¹³ Там же, стр. 74.

¹⁴ Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники, тт. I—III. СПб., 1884.

В 1908 г. в Саратове из-под пера Готлиба Бауэра вышла книга «Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga 1766—1774». Тон ее в отношении восстания Пугачева осудительный, озлобленный. Автор негодует по поводу того, что не успели колонисты обосноваться, как разразилось грозой пугачевское восстание. В отличие от других авторов, считавших, что колонисты Поволжья набирались из «малопородистых» элементов общества, он доказывает обратное, подчеркивая наличие среди них дворян и даже графов (Денгофф) и считая именно последнее обстоятельство свидетельством «добропорядочности» поволжских немцев.

Отсюда и его отношение к Пугачеву и пугачевцам, которых он называет не иначе, как разбойниками, бандитами, убийцами, грабителями, разорившими колонии в Поволжье.¹⁵ Он всячески стремился как бы «обелить» своих земляков — немцев Поволжья, доказывая, что они не участники движения Пугачева, а пострадавшие.

Нельзя не учитывать время издания книги. После разгрома революции 1905—1907 гг. в России начался период реакции, период разброда, упадка, шатаний. Это было время дикого разгула монархической реакции, квасного патриотизма «черных сотен» и «Союза русского народа», преследовавших всех «инородцев». Отсюда и тон книги — стремление оправдать своих предков, якобы не принимавших участия в восстании Пугачева и только пострадавших в результате Крестьянской войны.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции дала возможность народам России по-иному расценить путь, пройденный ими в освободительном революционном движении в стране.

В этом отношении много сделал Д. Д. Шмидт. Он прежде всего подчеркнул тенденциозность авторов, отрицающих активное участие немцев Поволжья в восстании Пугачева, и привел ряд данных, подтверждающих обратное.¹⁶ На его работы опиралась в своих трудах А. Н. Лозанова.¹⁷

В 1941 г. вышла в свет статья М. Бабинцева, представляющая известный интерес. Так, например, он приводит материалы о социальном составе колонистов в 1767 г. (крестьян 43%, ремесленников 44%, дворян, духовенства и фабрикантов 8.7%), о пись-

¹⁵ Gotlib Bauer. Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga 1766—1774. Saratow, 1908.

¹⁶ D. Schmidt. 1) Haben sich die wolgadeutschen Kolonisten am Pugatschow Aufstande beteiligt? Zur neuen Schule, 1925, № 3; 2) Wer war Pugatschow? Zur neuen Schule, 1925, № 4—5; 3) Vac victis! (Wehe den Besiegten!). Zur neuen Schule, 1926, № 12—13; 4) G. R. Dershawin und die Wolgadeutschen. Wolgadeutsches Schulblatt, 1928, № 9; 5) Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Pokrowsk—Moskau—Charkow, 1930 (§ «Der Pugatschow Aufstand und Wolgadeutschen Kolonisten»).

¹⁷ А. Н. Лозанова. 1) Предания и легенды о пугачевщине. Язык и литература, т. VIII, Л., 1932, стр. 56; 2) Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.—Л., 1935, стр. 11—12, и др.

менных обязательствах, которые давали колонисты директорам колоний (запрещение переходить на новое место, уплата десятины от урожая, несение повинностей).¹⁸ К сожалению, статья лишена научного аппарата и поэтому не представляется возможным судить о материалах, положенных автором в основу своего труда.

За последнее время вопрос о публикации Бюшинга, его корреспонденте Миллере, о Рычкове, о восстании Пугачева снова был рассмотрен.¹⁹

Такова литература вопроса.

Каким же было отношение колонистов Поволжья к восстанию Пугачева? Имело ли оно отклик в поселениях колонистов и на основе каких источников мы можем себе составить представление об интересующей нас теме?

Основой для изысканий в области данной темы являются материалы из так называемого «Панинского архива», отложившегося в результате деятельности знаменитого «усмирителя» восстания Пугачева графа П. И. Панина и хранящегося в различных архивохранилищах и рукописных собраниях. Большая часть этих материалов издана.²⁰

Большое значение для изучения данного вопроса имеют записки Рунича²¹ и переписка, опубликованная Я. Гротом.²²

Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов дает возможность восстановить подлинный характер событий, развернувшихся в иностранных колониях Поволжья в период восстания Пугачева.

Прежде всего следует подчеркнуть сильную дифференциацию немцев Поволжья. Среди них были и такие, как граф Денгофф и «кавалер», поручик, а позднее полковник Иоганн Вильгельми, и такие, которые занимались в батраки или рабочими на предприятиях и с точки зрения официальных лиц были бродягами и

¹⁸ М. Бабинцев. Участие немцев Поволжья в восстании Пугачева. За коммун. просв., 1941, № 1.

¹⁹ G. Mulpfordt. Ein Deutscher-Russland Kenner des 18 Jahrhunderts. Berlin, 1954; P. Hoffmann. Der Pugačëv-Aufstand in zeitgenössischen deutschen Berichten. Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas, Bd. 6, 1962; V. Mavrodin. Die Teilnahme deutscher Ansiedler des Volga gebiets am Pugačëvaufstand. Ibid., Bd. 7, 1963.

²⁰ В архиве Артиллерийского исторического музея в Ленинграде хранятся материалы о событиях, имевших место в Саратовском крае вообще и лишь косвенно относящихся к интересующему нас вопросу. См.: Артиллерийский исторический музей. Путеводитель по историческому архиву музея. Л., 1957; А. В. Пруссак. Архив Артиллерийского исторического музея как источник по изучению Пугачевского движения. Сб. исслед. и матер. Артилл. истор. музея Красной Армии, ч. 1, Л., 1940.

²¹ Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугачевском бунте. Русская старина, 1870, т. III.

²² Сочинения Державина, изд. Я. Гротом, т. V, СПб., 1869 (далее: Державин).

подозрительными людьми. Были колонисты «способные» и «неспособные», не ведущие «хлебопашества». Первых насчитывалось к весне 1774 г. 5845, а вторых 208 семей.²³ Большинство же колонистов были люди среднего достатка. Трудолюбивые и энергичные, они начали превращать богатый, хлебородный, но слабо заселенный край в цветущую землю. Недавно осев на земле в далеком от *Vaterland'a* крае, они, казалось бы, все внимание и всю энергию отдавали своему хозяйству и были далеки от той социальной бури, которая надвигалась на страну. Так полагали в официальных кругах, рассчитывая на полную лояльность колонистов Поволжья в грандиозной классовой битве, и поэтому активное их выступление на стороне Пугачева было неожиданным для правительства Екатерины II и вызвало с его стороны неодобрение и обвинение в неблагодарности.²⁴

Но глухое брожение в Поволжье началось давно. Среди немец-колонистов жил одно время Федот Иванович Богомолов, беглый крепостной крестьянин графа Р. И. Воронцова, в 1772 г. выступивший под именем «Петра Федоровича».²⁵ В 1773 г., до выступления Пугачева и вне связи с ним, в Оренбурге появился самозванец, выдававший себя за Петра III. Им был капитан 3-го батальона оренбургского гарнизона Николай Кретов. Твердо уверенный в том, что за Петра Федоровича стоят «проростые люди», Кретов связался с ссыльными, находившимися в Оренбурге и Оренбургском крае, с «разного званиями» русскими людьми и калмыками. Среди его сторонников был и ссыльный немец из крестьян-колонистов Иван Калов, у которого и жил Кретов. Все они были схвачены. Иван Калов отделался дешево — по случаю празднования победы над Турцией он был отправлен в Оренбург.²⁶ Но Иван Калов был только первой ласточкой, которая еще весны не делает.

Грянуло пугачевское восстание. Начало его, видимо, почти не затронуло поселений немцев Поволжья. Прусский посланник в Петербурге Сольмс писал Фридриху Великому 10/21 января 1774 г.: «... донские казаки, как и саратовские колонии на Волге, про которые говорили, что они тоже возмутились, остаются, напротив, совершенно покорными».²⁷ Но весной 1774 г. грозные

²³ Ведомость генеральная о числе состоявших в саратовских колониях. РО ГПБ, Эрмитажное собр., № 364 (М. М. Щербатов. Исторические записки), лл. 19 об.—20.

²⁴ См. примечание Н. Н. Фирсова к «Истории Пугачевского бунта» А. С. Пушкина: Сочинения Пушкина, изд. имп. Акад. наук, т. XI, Пгр., 1914, стр. 281.

²⁵ К. В. Сивков. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. Истор. зап., т. 34, 1950, стр. 114.

²⁶ Там же, стр. 117—120.

²⁷ О. Е. Корнилович. Общественное мнение Западной Европы о пугачевском бунте. Анналы, т. III, Пгр., 1923, стр. 166; ср. также: Сб. РИО, т. LXXII.

для властей и помещиков признаки приближающейся волны крестьянского движения стали докатываться до поволжских колоний.

Возглавлявший Контору опекунства иностранных М. М. Лодыженский в своих письмах от 18 и 27 мая 1774 г. сообщал лейб-гвардии поручику Г. Р. Державину о появлении пугачевских отрядов, которые якобы грабят колонии. Колонии стали прикрывать военными отрядами.²⁸ Но, видно, «разорение» колоний оставалось на совести Лодыженского, ибо вскоре Державин с тревогой писал М. М. Щербатову о «колебаниях колонистов».²⁹ «Колебания» эти были обусловлены не грабежом, производимым пугачевцами, а какими-то процессами, которые происходили среди самих поволжских колонистов. Они явно тяготели к Пугачеву. Речь идет, конечно, не о всех, а о каких-то слоях, группах, но об этом дальше. Все это и побудило генерала П. Д. Мансурова 13 августа 1774 г. обратиться к колонистам Поволжья с манифестом, в котором он упрекал их в том, что они, «не взирая на столь милостивые от ея императорского величества... оказанное благодаяние», оказались неблагодарными, нарушили присягу, покинули свои дома в столь трудные времена, поверив «вздорным уверениям». Он предлагал «благоразумным немцам» одуматься, понять, что Пугачев — «государственный злодей», и схватить его, за что поймавший получит 25 000 рублей.³⁰

Но было поздно — Пугачев шел по землям колонистов.

В своем письме от 12 августа 1774 г. богатый колонист Иоган Михель Парникель доносил находившемуся в Сызрани Г. Р. Державину, что в немецкие колонии 7 августа явился во главе «шайки» посланец «ис Пугачевской толпы», зачитавший указ Пугачева. Указ гласил, что, «кто самопзвольно к нему пойдет в службу, тот будет получать за месяц по двенадцати рублей. Сверх сего обещаны были между разными обещаниями все вольности. Почему многие колонисты к нему и пристали».³¹ Далее Парникель сообщал, что на следующий день, 18 августа, в колонию Екатеринштадт приехали «трое в гусарской форме», где с другими людьми, «а особливо с приведенными с собой колонистами» (очевидно, из других поселений) «произвели много злого дела: похитили лутчих лошадей, соляные и провиантские магазины разгромили и разграбили купеческие лавки; и таким образом ис колонии в колонию переходя, озорничали».³² Весьма

²⁸ Державин, стр. 99, 105—106, 149.

²⁹ Там же, стр. 146.

³⁰ ЦГАДА, Гос. архив, разряд VI, д. 492. — Документ этот впервые был опубликован Я. Гротом (Державин, стр. 282—283), но так как Я. Грот издал его с купюрами, не точно, то следует ориентироваться только на подлинник, хранящийся в ЦГАДА.

³¹ Пугачевщина, т. III. М.—Л., 1931, стр. 202—203. — К сожалению, сам указ не сохранился.

³² Там же, стр. 203.

важной является заключительная фраза письма Парникеля: «И, как я проведаль, то всего (всё, — В. М.) сие по собственному их изволению делали».³³

То обстоятельство, что восстание в колониях возникло по инициативе самих колонистов Поволжья, подтверждается письмом Канцелярии опекунства иностранных, которая 20 октября 1774 г. писала в Сенат, что в разгроме казны и магазинов Конторы опекунства иностранных приняли участие дворцовые крестьяне Золотовской волости (Зельмана) и иностранцы и что когда пугачевцы шли от Саратова к Дмитриевску, «то из состоящих по тракту колоний многие иностранцы добровольно приставали в злодейскую толпу, и в ней оставались до самого ее разбития».³⁴

Яицкий казак И. Кузнецов подтверждает, что в районе Дмитриевска «из поселенных иностраннических колоний многие в толпу к ним приставали...».³⁵

14 августа в своем письме П. С. Потемкину Державин сообщал: «Колонисты взбунтовались и многие пошли в сего (Пугачева, — В. М.) шайку».³⁶ При этом Державин подчеркивает, что немцев-колонистов «обольстили... великие обещания». Что же это были за обещания, которыми Пугачев «обольстил» колонистов Поволжья? «Им обещали вольность», — продолжает певец «Фелицы» и «Вельможи», в котором в это время поэт победил лейб-гвардии поручик и крепостник-помещик, певец «Жизни Званской».

Это были те времена, когда повсюду распространялся манифест Пугачева, составленный 31 июля 1774 г., в котором он жаловал трудовой люд «вольностью и свободою и вечно казаками», не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, «владением землями, лесами, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и солеными озерами без покушки и без оброку» и освобождением «прежде чинимых от злодеев дворян и градских моздоимцев-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений».³⁷ В этом манифесте, настоящей «жалованной грамоте крестьянам» (В. И. Семевский), отразились чаяния широких слоев трудового народа.

Были ли они известны колонистам Поволжья? Как известно, многие манифесты Пугачева переводились на немецкий язык офицерами, примкнувшими к восставшим, и сопровождалась подписью «Pitr» или «Piter».³⁸ Об этом манифесте колонисты По-

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 204.

³⁵ Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 гг. Сб. докум. под ред. А. П. Пронштейна, Ростов н/Д., 1961, стр. 138.

³⁶ Державин, стр. 180—181.

³⁷ Пугачевщина, т. I. М.—Л., 1926, стр. 40—41.

³⁸ Сочинения Пушкина, изд. имп. Акад. наук, т. XI, Пгр., 1914, стр. 185; Пугачевщина, т. I, стр. 41.

волжья не могли не знать. Что же могло привлечь поволжских немцев в Пугачеве? Обычно находили ответ на этот вопрос в том, что Петр III, за которого выдавал себя донской казак Зимовейской станицы Емельян Иванович Пугачев, был голштинцем, немцем по отцовской линии, хотя и русским, внуком Петра Великого, по материнской. Но вряд ли это могло иметь большое значение, так как Екатерина II, урожденная принцесса Ангальт-Цербстская, ни с какой стороны русской не была, а между тем немцы-пугачевцы выступили против немки на русском престоле. Среди чиновников и офицеров русской армии, действовавших против Пугачева, было также немало немцев: Рейнсдорп, Кар, Брандт, Корф, Валленштерн, Биллов, Муфель, Диц, Михельсон и множество других. Это же не помешало примкнувшим к Пугачеву колонистам *de facto* сражаться против русских войск, руководимых офицерами немецкого происхождения. Конечно, многие верили в немецкое происхождение самозванного Петра III — реального Пугачева. Так, например, еще в 1871 г. Столыпину рассказывал казак Шелдаков, что дед его, пугачевец, якобы сам слышал, как Пугачев говорил по-немецки. Среди казаков долго говорили, что «их» Петр Федорович был немцем. У Столыпина хранилась пугачевская «прокламация», очень грамотно написанная по-немецки. Пугачевские манифесты, написанные по-немецки, не могли не способствовать распространению подобных слухов.³⁹

Трофеем Пугачева оказалось знамя Дельвигова голштинского полка. Это очень взволновало Екатерину II, но вряд ли голштинское знамя само по себе, латинские или немецкие надписи на нем могли заставить колонистов Поволжья стать под ним.⁴⁰

Колонистам Поволжья отнюдь не были чужды идеи свободы и освобождения от повинностей, которые несли манифесты Пугачева. Несмотря на привилегированное положение, в котором находились приглашенные Екатериной II из-за рубежа иностранные колонисты, не все в их социальной судьбе на второй родине, каковой для них становилась Россия, казалось им справедливым, а были такие элементы среди колонистов Поволжья, которые лучше понимали социальные чаяния и стремления русских крестьян, бурлаков, рабочих людей, — несмотря на то, что плохо владели их речью, — нежели истины, изрекаемые на *muttersprache* их земляками и соотечественниками типа Денгоффа и Вильгельми, Рейнсдорпа и Михельсона. Но о них дальше.

Полагаю, что ответ на интересующий нас вопрос мы найдем в том же письме Державина Потемкину от 14 августа 1774 г. Державин пишет, что так как им, т. е. колонистам, «обещана

---

³⁹ Из памятных тетрадей С. М. Сухотина. Русский архив, 1894, кн. 2, стр. 584—585.

⁴⁰ Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками, стр. 87.

вольность», то — если Пугачев последователен («прямо сие произвел ухищрение») — он должен будет «истребить в Опекуновском совете письменные дела, в которых квитанции и счета» на 7 миллионов рублей «задержанных в чаянии возврата от колонистов», что будет огромной потерей для казны.⁴¹

Естественно, что колонистов не могло не «облестить» обещание Пугачева, данное им в июльском манифесте, освободить от всяких денежных податей трудовой люд. Не могла не привлечь их и обещанная Пугачевым свобода и социальная справедливость. Вот почему в своем рапорте П. Д. Мансурову, написанном в августе 1774 г., Державин сообщает, что «во время злодейского вступления в город Саратов, посылаемые мной для разведывания иностранцы письменно объявили мне, что бунтовщики и в колониях были и возмутили колонистов».⁴² Возможно, что пугачевские манифесты и указы, говорившие о равенстве, справедливости, правде, могли встретить особенно широкий отклик среди определенной части колонистов. Речь идет о гернгутерах, прямых продолжателях богемских (чешских) братьев с их общинной собственностью и жизнью, проповедью евангелического равенства, общими домами и т. п. В то же самое время гернгутерам импонировала обещанная Пугачевым свобода хозяйственной инициативы, которую они так успешно развернули на новой родине — в России. А гернгутеров в Поволжье насчитывалось немало. Так, например, Сарпинская колония сплошь состояла из гернгутеров. Эти выходцы из Саксонии очень смущали М. М. Щербатова, писавшего, что он сомневается, «совместны ли с общим правлением государства Российского» «таким образом неразрывным братством и обществом имения соединенные люди», особенно если «они умножатся до некоего числа?».⁴³

Среди пугачевцев-колонистов мы встречаем в первую очередь колонистскую бедноту. Так, например, известно, что пристали к Пугачеву и пропали без вести «работников из колонистов четыре».⁴⁴ Эти немцы-пугачевцы были либо батраками, либо работными людьми, рабочими, которых в Поволжье того времени было немало.

П. С. Рунич, проезжавший по поселениям колонистов буквально по стопам Пугачева, сообщает, что в одном поселении колонистов они встретили «патера... огорченным и унылым; он пересказал о причине своего огорчения, уведомив нас, что человек до тридцати молодых людей из колонии, разумевших российский язык, разграбив его и некоторых зажиточных жителей коло-

⁴¹ Державин, стр. 180—181.

⁴² Пугачевщина, т. III, стр. 201; Державин, стр. 173.

⁴³ М. М. Щербатов. Статистика в рассуждении России, стр. 53—54.

⁴⁴ Пугачевщина, т. III, стр. 204.

нии ушли к Пугачеву, забрав лучших 50 лошадей, в числе коих увели и его три лошади».⁴⁵

Следовательно, в пугачевском восстании принимали участие те колонисты, которые принадлежали не к зажиточной верхушке немцев Поволжья, а к средним и бедным слоям. Колонисты-пугачевцы выступили и против своих богатых соотечественников, и против русской дворянской верхушки. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что к восставшим примкнула, в частности, молодежь, знающая русский язык.

15 августа 1774 г. Державину жаловался Александр Алферьевич Пиль, богатый и знатный человек (брат его впоследствии будет Иркутским генерал-губернатором), что он «до основания ограблен колонистами», которые «не довольно грабили, но и в доме оставшую всю мебель, какая была, порубили и изломали».⁴⁶ Тому же Державину жаловался поручик Иван Иванов. что «как в доме, так и зарытое везде колонистами разграблено: лошади у хозяйки и что с нею было на берегу Волги отнято; хозяйка в воде по горло в Волге от злодеев колонистов стояла и едва жизнь упростила». Детей Иванова у немцев-пугачевцев выкупил за пистолет и погребец водки другой немец, зажиточный человек.⁴⁷ Пугачевцы повесили старосту Нильсона, скрывавшего на речном острове скот, принадлежавший директору колонии Леруа, о чем пугачевцам сказал пришедший в колонию Степную колонист Паулюс Обендорф.⁴⁸

Все указанное говорит о том, что в колониях немцев Поволжья развернулась подлинная классовая война. И в ряды пугачевского войска колонистскую бедноту привела не перспектива двенадцатипулевого месячного жалованья, а те «вольности», которые обещал Пугачев, не голштинское зная, не немецкий язык манифестов, не призрачное немецкое происхождение «мужицкого царя», а знамена Крестьянской войны, вольности, обещанные манифестом, сама деятельность самозванного «Петра Федоровича». Характерно, что и вели себя немцы-пугачевцы так же, как и их русские, украинские, мордовские, башкирские, чувашские и прочие социальные собратья.

Что же касается конфискации и угона у богатых колонистов немцами-пугачевцами «лутчих лошадей», то это понятно — Пугачев, стремительно шедший вниз по Волге, брал в свое «Большое войско» только конных. Кто хотел с ним идти, должен был идти на коне, а то и вовсе «о дву конь».

К Пугачеву примкнуло много колонистов. Сам Пугачев показывал в Москве в ноябре 1774 г.: «По выходе из Саратова пошел

⁴⁵ Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугачевском бунте. Русская старина, 1870, т. II, стр. 242.

⁴⁶ Державин, стр. 41, 183.

⁴⁷ Там же, стр. 183.

⁴⁸ ЦГАДА, Гос. архив, разряд VI, д. 454, лл. 232—234.

он с поселенными колонистами, коих он прошел пять селений, по оные драки с его толпою не делали, охотников же набралось в его толпу пять сот человек». ⁴⁹ «По разбитии же взято оных обратно и отдано для доставления в Саратов и в тамошние колонии мужеска и женска пола четьресто тридцать два человека (колониста, — В. М.)», ⁵⁰ — сообщает Канцелярия опекунства иностранных. Цифры, приведенные ею и Пугачевым, почти совпадают. Мы знаем и имена некоторых активных немцев-пугачевцев. Вот они: Лоренц Крауз, Иоганн Кивит, Фердинанд Краненфельд, Августин Шамлов, Леонард Дебедист, Иоганн Якоб Венрих. ⁵¹ Все они по собственному желанию были «присовокуплены к толпе Пугачева». ⁵² Из письма в Сенат, посланного Канцелярией опекунства иностранных, подписанного князем Г. Орловым, следует, что «из состоящих по тракту колоний многие иностранцы добровольно приставали в злодейскую толпу и в ней оставались до самого ея разбития». ⁵³

Колонисты уходили к пугачевцам целыми поселениями. Так, например, расположенная в 10 верстах от Царицына Саксонская слобода была пуста «за побегом всех жителей». ⁵⁴

Правда, некоторые колонисты, принимавшие участие в восстании Пугачева, как например Еган (Иоганн) Гибнер и Фридрих Фахлер, утверждали, что были взяты «злодейскою сволочюю» «неволею», — но так, опасаясь возмездия, говорили на следствии многие пугачевцы: русские, татары, башкиры, чуваш и др. ⁵⁵ Особенно опасными для правительства и богатых колонистов были такие очаги пугачевского восстания, как Екатеринштадт и Шафгаузен. ⁵⁶ Отсюда и планы их изоляции (без «свидетельства» Вильгельми «в колонии... русских и колонистов не впускать»), предложенные Г. Р. Державину его родственником С. Т. Максимовым. ⁵⁷

Колонисты принимали активное участие в сражениях восставших с правительственными войсками. Так, например, когда на реке Медведице был разбит отряд пугачевцев, то оказалось, что среди них были люди «разного звания, в том числе и колонисты». ⁵⁸ Поэтому в своем указе атаману донской казачьей Березовской станицы Пугачев писал: «Склонились под наш скипетр... и поселенные по реке Волге саксоны». ⁵⁹

⁴⁹ Допрос Е. Пугачева в Москве в 1774—1775 гг.: Красный архив, 1935, № 2—3 (69—70), стр. 219.

⁵⁰ Пугачевщина, т. III, стр. 204.

⁵¹ Там же, стр. 202; Державин, стр. 215.

⁵² Пугачевщина, т. III, стр. 202.

⁵³ Там же, стр. 204.

⁵⁴ Там же, т. II, М.—Л., 1929, стр. 250—251.

⁵⁵ Там же, стр. 404.

⁵⁶ Державин, стр. 201, 215.

⁵⁷ Там же, стр. 214.

⁵⁸ Пугачевщина, т. III, стр. 75.

⁵⁹ Там же, т. I, стр. 42.

Другая, богатая часть колонистов Поволжья была враждебно настроена по отношению к Пугачеву.

«Героем» борьбы с пугачевцами был «капитан и кавалер», впоследствии полковник Иоганн Вильгельми. Он был информатором командующих войсками, обращался к колонистам с предложением награды за поимку Пугачева, брался «усмирить» колонистов, если ему дадут отряд в 50 казаков из Малыковки, пытался сколотить из колонистов отряд в 300 человек, ловил пугачевцев и т. п.⁶⁰ Ему вторил и другой информатор Державина — Иоганн Дизендорф, пастор, встреченный Руничем, и др.⁶¹

Следует отметить и еще одно очень важное обстоятельство — «Большое войско» Пугачева не разоряло колоний. В колониях «кирхи и костелы католичские» пугачевцы не трогали. П. С. Рунич сообщает, что «от Саратова Пугачев следовал со своим войском через селения колонистов, но проходя оные не малейших не делал им притеснений и разорения». Более того, тот же Рунич, великоленно осведомленный современник событий, говорит, что когда Пугачев подходил со своим войском к поселениям колонистов близ Саратова, то за пять часов до прохождения своего войска, не очень веря в дисциплинированность своих отрядов, он послал в поселения колонистов казаков и предупредил старост, чтобы никто из жителей не выходил из селения до тех пор, пока его войско не скроется из вида, «дабы не мог кто-нибудь потерпеть от его войска обиды и несчастья».⁶² Печальным исключением была только разгромленная Сарепта. Нужно также отметить большой урон, нанесенный колонистам казаками («киргизцами»), которые увели 1573 человека и угнали скот. Удалось отбить сразу же (весной 1775 г.) лишь 811 человек, лошадей и скот.⁶³ Конечно, после этого многие поселения опустели и «пришли в великое расстройство».⁶⁴ М. Щербатов отмечает, что в 1776 г. колонии не были в цветущем состоянии, «ибо в бунт Пугачева многие колонии были разорены, люди разбежались или перебиты и киргиз-кайсаками пленены или и после, яко неудобные к прокормлению себя, распущены».⁶⁵

Немаловажное значение имели и карательные действия регулярных войск. Не случайно Державин мечтал учинить в колониях погром вроде того, в результате которого очень пострадала Малыковка, а Голицын 10 сентября 1774 г. писал из Мечетной, что

⁶⁰ Там же, т. III, стр. 204; Державин, стр. 185—190, 198—199, 201.

⁶¹ Пугачевщина, т. III, стр. 202; Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугачевском бунте. Русская старина, 1870, т. II, стр. 242.

⁶² Там же, стр. 242, 248, 250.

⁶³ Пугачевщина, т. III, стр. 405; Державин, стр. 186—187, 196—199, 267.

⁶⁴ Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугачевском бунте. Русская старина, 1870, т. II, стр. 239; Пугачевщина, т. III, стр. 206.

⁶⁵ М. М. Щербатов. Статистика в рассуждении России. ЧОИДР, 1859, кн. 3, стр. 55.

так как «многие из живущих в колониях иностранцев... дерзнули присоединиться к известному государственному злодею и самозванцу Пугачеву», то, поймав одного или двух колонистов-пугачевцев, следует незамедлительно их повесить в тех селениях, где они действовали, а «прочих пересечь плетью нещадно».⁶⁶

Действия пугачевских отрядов в районе поволжских колоний, приведшие к активному включению части колонистов в Крестьянскую войну, не были продолжительными. Преследуемый по пятам регулярными войсками Пугачев шел все дальше и дальше вниз по течению Волги.

Вихрем пронеслось войско «набеглого царя» по поселениям колонистов Поволжья, но в их истории оно оставило неизгладимый след.

---

⁶⁶ Державин, стр. 201, 218.